

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 1.</i> Обманутая баронесса	9
<i>Глава 2.</i> Первые контакты с советской разведкой	27
<i>Глава 3.</i> Павел Корнель, оперативный псевдоним Жан	41
<i>Глава 4.</i> Лубянка ставит на Лемана	52
<i>Глава 5.</i> Нацисты у власти	78
<i>Глава 6.</i> Брайтенбах укрепляет авторитет в гестапо	104
<i>Глава 7.</i> Василий Зарубин, оперативный псевдоним «Бетти»	144
<i>Глава 8.</i> Ракеты для Кремля	185
<i>Глава 9.</i> В преддверии Второй мировой	234
<i>Глава 10.</i> Шпионский тандем	272
<i>Глава 11.</i> Александр Коротков, оперативный псевдоним «Степанов»	346
<i>Глава 12.</i> Путь на Голгофу	410
<i>Эпилог</i>	428

Шел победный май 1945 года. Берлин лежал в руинах. В развалины были обращены многие здания на Вильгельмштрассе и Принц-Альбрехтштрассе, где еще недавно размещались различные службы Главного управления имперской безопасности — ГУИБ (немецкая аббревиатура РСХА).

На пепелище одного особняка, где находилась тайная государственная полиция, которой руководил группенфюрер СС Генрих Мюллер, группа офицеров советской разведки и контрразведки искала сохранившиеся документы. Эту специальную команду возглавлял резидент внешней разведки НКГБ полковник Александр Коротков.

В одном из заваленных полусожженными бумагами помещений офицер из группы Короткова подобрал учетную карточку на хаупштурмфюрера СС Вильгельма Лемана, арестованного в декабре 1942 года. В чем обвинялся этот гестаповец и что с ним стало, никаких пометок в карточке, вопреки немецкой пунктуальности, не было...

Оперативному работнику невысокого звания указанная в карточке фамилия ровным счетом ничего не говорила, да и среди руководителей разведки того времени о Лемане знали лишь единицы. Загадочный бланк попал в кипу найденных материалов и был отправлен в Москву.

К сожалению, полковнику Александру Короткову никто не доложил об обнаруженном документе, отчасти проливавшем свет на судьбу антифашиста в эсэсовском мундире, с которым разведчик работал перед войной и чьи следы надеялся отыскать в поверженном Берлине.

Объем и особая важность возложенных на полковника, а затем генерал-майора Короткова после победы Советским правительством ответственных заданий (до своей преждевременной кончины в 1961 году он был одним из руководителей внешней разведки КГБ) были таковы, что все вопросы разведывательной работы, не имевшие чрезвычайной срочности, пришлось отложить на более позднее время.

Найденная учетная карточка арестованного поступила в соответствующее подразделение центрального аппарата НКГБ, где и было установлено, что бесследно исчезнувший хауптштурмфюрер СС Леман был не кем иным, как надежным и проверенным особо ценным агентом советской внешней разведки, известным под псевдонимом А/201 и Брайтенбах.

Привлечение на свою сторону этого человека было большой удачей внешней разведслужбы. На протяжении многих лет он, образно выражаясь, был щитом для советских разведчиков в Германии, оберегавших их от ударов немецких контрразведывательных органов. Он своевременно предупреждал нашу резидентуру в Берлине о выходе немецких контрразведчиков на след ее сотрудников и агентов, о ведущихся оперативных разработках, о готовящихся арестах, в том числе и немецких коммунистов.

Леман информировал московский разведцентр об особенностях обстановки в стране, об истинных планах и намерениях главарей гитлеровского рейха, намеченных политических и военных акциях, закулисной борьбе в нацистской верхушке — словом, обо всем, что держалось правящим режимом в строгом секрете от общественности и дипломатического корпуса, но становилось известным ему по службе. Он передал большой объем информации о военной промышленности фашистской Германии и производимой ею продукции, о новейших военно-технических разработках. За несколько дней до начала Великой Отечественной войны он предупредил резидентуру в Берлине о точной дате и времени наступления германских войск.

Так что же за человек был Вильгельм Леман, этот настоящий, а не придуманный Штирлиц? Что, собственно, побудило его, преуспевающего чиновника берлинской полиции, человека рассудительного и уравновешенного, решиться на столь неординарный шаг, как предложить свои услуги советской разведке?

Почему он, хауптштурмфюрер СС, ответственный чиновник в контрразведывательном отделе тайной государственной полиции, несмотря на постоянный риск и смертельную угрозу, оставался до конца преданным выбранному пути и стойко принял мученическую гибель во имя торжества общечеловеческих идеалов?

Обо всем этом, а также о других приключениях Вильгельма Лемана любители исторической правды могут узнать, прочитав предложенную книгу.

Глава 1

ОБМАНУТАЯ БАРОНЕССА

Как ни странно, Вилли привязался к Эрнсту, хотя Эрнст — хам и настоящий преступник. Его долго не могли ни в чем уличить, настолько он был ловок и хитер. Но на этот раз Кур все-таки попался. На оккупированной немцами территории Польши, куда он выезжал в служебную командировку, был убит некий Вальтер Людерс, исчезли принадлежавшие ему пятнадцать тысяч марок. Вскоре точно установлен убийца. Он чиновник отдела Ia берлинского полицей-президиума Эрнст Кур.

Эрнст пытался оправдаться, мол, дело политическое, покойный сам напал на него по причине политического характера, и ему ничего другого не оставалось, как, обороняясь, застрелить Людерса. Говорил он так, потому что партия в беде его не оставит.

Партия пыталась вызволить его из этой грязной истории. Обвинение настаивало, что убийство совершено из корысти. Эрнста поместили в берлинскую следственную тюрьму, и ему грозило заключение на длительный срок. Из полиции Кура, конечно, уволили.

Однако через несколько недель Вилли узнал, что следствие по делу Кура прекратили, а его самого отпустили на свободу. Кто бы ни заговаривал с Вилли об этом, он упорно отстаивал версию, будто Эрнст оборонялся и убил своего противника во время допроса, когда тот на него набросился и попытался задушить.

По характеру Вилли был проще, тогда как Эрнст, в отличие от несколько медлительного друга, был изворотлив и ловок. Вообще, друзья дополняли друг друга.

Да, они были связаны друг с другом еще с юности, когда их родители были учителями, а Вилли и Эрнст посещали одну и ту же народную школу в Лейпциге. Правда, потом их пути разошлись. Эрнст поступил в реальную гимназию, а Вилли пошел учиться на столяра, а затем добровольцем стал служить на военно-морском флоте.

Сейчас их пути снова скрестились. Они постоянно держались вместе, нередко пускались в скользкие дела и никогда не выдавали друг друга.

Поэтому сейчас, получив известие о друге, Вилли думал о нем с теплотой и нежностью. Они договорились встретиться в Мюнхене, для чего Леман испросил в отделе короткий отпуск.

Через два дня, вечером, Вилли стоял на перроне мюнхенского вокзала и, вытянув шею, обшаривал взглядом вагоны только что прибывшего берлинского поезда. Наконец из купе мягкого вагона показался Эрнст. Выглядел он похудевшим, глаза запали, губы стали еще тоньше, но он улыбался. И это была улыбка сообщника, довольная, уверенная и хитрая. «Неплохо он выглядит, черт возьми, — подумал Вилли, — и это несмотря на тюремные приключения».

— Вот здорово, что ты вернулся! — приветствовал друга Леман. А сам подумал: «И пальто на нем новое, и в мягком вагоне прикатил... Скажи, пожалуйста!».

Эрнст не мешкал, быстро остановил такси, и друзья направились в приличный отель «Кайзергоф». Удивление Вилли нарастало.

— Ну, рассказывай, — торопил он, когда друзья остановились на тротуаре у входа в отель. — Наверное, есть что рассказать.

— Я ужасно скучал по тебе, — громко, стараясь перекрыть уличный шум, ответил Эрнст и хлопнул Вилли по плечу. — Иногда мне так требовалась твоя поддержка, уж очень скверно было на душе.

— Я это знал, но ничего не мог поделать!

Наконец они вошли в отель. Эрнст тут же потребовал хороший номер. Подошел посыльный, взял чемодан, и они не спеша поднялись наверх.

Потом Эрнст открыл чемодан, вынул необходимые вещи и пошел в ванную. Расслабившись в теплой воде, он принялся откровенно рассказывать о своих злоключениях.

— Но как бы гнусно ни оборачивалось дело, — говорил он, — я, в сущности, никогда не сомневался, что все кончится хорошо. Я был уверен, что партия добьется своего. И она меня не подвела.

— Я чего-то не понимаю, — заметил Вилли, — ведь за первого встречного партия не будет вступаться, так?

— Ну конечно, — подтвердил Эрнст, энергично обтираясь мохнатой простыней. — Ну да, у меня есть заслуги и связи. А ты как думал. Я им помогал, когда работал в полиции. Заломон меня в беде не бросит. Теперь мои отношения с Францем стали еще теснее, — хвастался он.

Ужин принесли в номер, и Эрнст начал рассказывать, как он стал своим человеком в нацистской партии и что теперь он надеется жить на ее средства. Отсюда и новое пальто и мягкий вагон.

— И все это время ты скрывал от меня свою связь с нацистами? — удрученно вопрошал Вилли. Но Эрнст лишь хитро улыбался.

Когда речь шла о повседневной жизни, Вилли обычно соображал медленно, и сейчас он с трудом переваривал рассказ друга. «Значит, Эрнсту не только удалось избежать последствий того “мокрого дела”, он даже ухитрился извлечь из него пользу, — думал Вилли. — А мне нечем похвастаться. Как был, так и остался ассистентом в политическом отделе». Эрнст заметил, как омрачилось лицо друга, и довольно бесцеремонно спросил:

— Ну а деньги у тебя водятся?

— Найдутся, — пытаюсь сохранить достоинство, ответил Вилли, — триста марок в месяц полиция мне гарантирует. Кое-что подрабатываю в частном сыске.

Эрнст помолчал и решил переменить тему разговора. Он стал объяснять, почему он приехал в Мюнхен и пригласил сюда Вилли. Оказалось, что завтра на большом партийном собрании в цирке «Кроне» его, возможно, смогут представить руководству и мюнхенским членам партии. Это очень важно, считал он.

— Франц Пфедфер фон Заломан прилетит из Берлина, чтобы самолично представить меня, — похвастался Эрнст, — тебе тоже там надо быть, может, удастся представить и тебя.

Вилли внимательно всматривался в лицо друга и все никак не мог понять, как обычный с виду парень мог добиться столь ощутимых успехов в жизни. А Эрнст между тем зевал и блаженно потягивался, лежа в кровати.

Вернувшись к себе в отель на Румфордштрассе, Вилли долго лежал без сна, размышляя об успехах Эрнста. «А деньги у него есть, это сразу видно, партия не хочет, чтобы он голодал. Только бы все закончилось благополучно», — думал он, прикрывая заботливостью свою зависть к другу.

Эрнст всегда старался устроить себе хорошую жизнь и при этом вечно попадал во всякие истории. Не очень было прилично, когда поднялся шум из-за каких-то роялей, которые Эрнст во время войны вывез из Польши в Германию. Да и теперешние дела друга, эти поручения партии, которые он выполняет, вызывают подозрение. Ведь не ради его прекрасных глаз партия несет такие расходы. Очевидно, его вынуждают заниматься рискованными делами. Может, даже «мокрыми».

Во время последних выборов национал-социалистическая партия заметно укрепила свои позиции. Миллионы немцев поверили, что только она сможет стать силой, способной выволить Германию из тисков экономического кризиса. Они считали, что новому правительству удастся решить острые социальные и внутривнутриполитические проблемы.

Эрнст пожурил друга: быть членом нацистской партии сейчас очень важно. Пожалуй, придется приложить к этому руку. Заметив, что Вилли усмехается, он заверил:

— Уж ты на меня положишься. Твой друг кое-что умеет в этой жизни!

Вилли не возражал, однако недоверчивое выражение не сходило с его лица. Ведь Эрнст при всей его ловкости не смог даже удержаться в полиции, с треском оттуда вылетел, а теперь намеревается стать высокооплачиваемым политическим агентом. «Вот уж любитель побахвалиться!».

Когда они вошли в битком набитый зал, Вилли, к своему удивлению, убедился, что Эрнст не хвастал. Вилли глазам своим не поверил: Эрнст, этот бывший обер-вахмистр и мелкий полицейский чиновник, сын покойного школьного учителя Игнаца, оказался своим среди собрания нацистской партийной верхушки. Он свободно общался с какими-то бонзами, обменивался мнениями со знакомыми, кому-то кивал, махал рукой. Вилли был просто поражен. Удивление вызывал не только столь большой успех, сколько та уверенность и непринужденность, с которыми Эрнст держался в этой необычной обстановке. Он чувствовал себя здесь как рыба в воде.

Вилли, зная, что мюнхенский отдел политической полиции внимательно наблюдает за нацистами, решил держаться в сторонке. Не знающие его люди раскланивались с ним, принимая его за одного из партийных бонз. Эрнст же все время суетился и при каждом удобном случае повторял, что сам-то он ничто, просто так сложились обстоятельства, что ему удалось оказать партии кое-какие услуги, но вот его друг — это да! Очень способный человек! Обратите на него внимание.

Наконец появился близкий знакомый Эрнста, которого Вилли прекрасно знал по полицейским сводкам и публикациям в печати, — начальник штаба штурмовых отрядов Франц Пфедфер фон Заломон. Эрнст сразу же подошел к нему, угодливо раскланялся, внося при этом

какую-то понятную им интимность, а тот лишь снисходительно улыбался и кивал в ответ.

Франц фон Заломон был небольшого роста, гладкий, холенный, с розовой кожей и склонностью к полноте. Его светлые глазки хитро поглядывали из-за прищуренных век. Одет он был в коричневую форму нацистского руководителя, и она шла ему, делая его полноватую фигуру более подтянутой.

— Значит, вы и есть друг нашего Эрнста, — сказал он, небрежно протянув Вилли мягкую вялую руку и бесцеремонно разглядывая его с ног до головы.

Вилли чувствовал себя неловко, не зная, как ему следует расценивать слова фон Заломона. Несмотря на внешнюю простоту обращения, в нем ощущалась высокомерность и какая-то барская презрительность к окружающим. Он играл здесь одну из первых ролей и сознавал это, как сознавали и все окружающие. От него веяло силой, самоуверенностью и вместе с тем каким-то предвестием беды, и, как ни заманчива была для Вилли мысль о знакомстве с этим человеком, внутренний голос опытного полицейского предостерегал его от сближения.

— Я приехал в Мюнхен по делам партии, — отрывисто заговорил фон Заломон, — но Эрнст просит представить его фюреру. Если вы не против, я готов представить и вас.

Он улыбался, и его светлые глазки весело смотрели в светло-серые глаза Лемана. Вилли спокойно выдерживал этот взгляд. Однако фон Заломона кто-то отвлек, потом все двинулись в круглый зал цирка, и, судя по всему, он быстро забыл о друзьях.

Леман отметил про себя, с какой ловкостью и блеском подает себя партия. Все было в одном стиле: грозные черные свастики на белых кругах посреди кроваво-красных полотнищ, коричневые рубашки, бравурная музыка, крики толпы, затаенные надежды людей, сидящих в ожидании перед наполненными до краев пивными кружками,

когда можно будет с воодушевлением прореветь «хайль», приветствуя обожаемого фюрера.

Наконец Гитлер появился, не спеша прошествовал к трибуне, поднялся на нее и с мужественно-замкнутым лицом принял приветствия своих преданных сторонников. Некоторое время он молчал, потом поднял руку, успокаивая возбужденных почитателей, и наконец заговорил. Его натренированный голос заполнил зал и сердца слушателей. Говорить на литературном немецком языке и избегать нарушений основных правил немецкой грамматики ему было трудно. Однако фюрер интуитивно понял, что сейчас неважно, правильно ли построены фразы с точки зрения грамматики и имеют ли они смысл. Важно покориť сердца людей, и тут все зависит от оратора — его позы, подъема, трепета и громовых раскатов голоса. Поэтому он не очень-то продумывал содержание своей речи. Пока Гитлер говорил, он верил, и вслед за ним верила толпа. Перед глазами замороженной публики он ненавидел, презирал, восхищался, и вслед за ним подобные чувства испытывал весь зал.

Наконец грандиозный спектакль подошел к своему концу, раздались крики, бурные аплодисменты. Все встали, приветствуя своего идола.

После собрания руководители партии направились вместе с фюрером в винный погребок на Барерштрассе. Эрнст крутился у входа, надеясь, что фон Заломон выполнит свое обещание, но тот забыл о друзьях.

Леман проводил друга до гостиницы.

— Почему бы тебе не подняться? Выпьем по маленькой на ночь? — предложил Эрнст. Он устал, был разочарован поведением «своего друга Франца» и поэтому сразу лег в постель. Вилли сидел за столом и маленькими глотками потягивал коньяк.

— Ты такой чудак, Вилли, — начал Эрнст с издевкой. — Если я не займусь твоими делами, чего ты добьешься в полиции? Если друг тебе не поможет, ты так и останешься на бобах со своими знаниями криминалистики.

Он еще долго продолжал рассуждать в таком же духе, пока Вилли, терпеливо его слушавший, в конце концов не выдержал и заявил:

— Да, ты добился успеха, ничего не скажешь, ловко выкрутился из уголовного дела. Быть героем процесса о шантаже, устроить пальбу и завалить человека — не всякий на такие штучки решится. А толку-то! Судя по поведению твоего друга Франца — никакого!

Эрнст демонстративно отвернулся и стал зевать.

— И охота тебе нести эту чушь, Вилли! Хоть тебе и сорок два годка стукнуло, а рассуждаешь ты как школьник. Знаешь, я очень устал. Давай поговорим, когда отдохнем. Спокойной ночи!

«Очень приятно поговорили», — подумал Вилли.

На следующий день, когда друзья снова сидели в номере отеля, Эрнст вернулся к вчерашней теме.

— Давай поговорим о твоём будущем, — заявил он, закуривая сигарету и удобно усаживаясь в кресле. — Расскажи подробнее о своём положении.

— Положение мое не очень завидное. Сажу на картошке в пятом отделении, получаю около трехсот марок в месяц.

— Понимаю, понимаю, — с глубокомысленным видом заметил Эрнст. — Но триста марок — это только триста марок, особенно на них не погуляешь. — Он встал, хитро блесну карими глазами. — К тому же любовницу надо содержать. Твой покойный папаша, наверное, сказал бы: «Другого такого отпетого лодыря, как Вилли, не найти».

Слушай, Вилли, у меня есть одна идея. Сначала я расскажу тебе об одной женщине, некой баронессе Элизабет фон Грозигк. Эта Грозигк — одна из влиятельнейших берлинских дам, очень богатая, род не менее древний, чем у Гогенцоллернов¹. В ее доме бывает весь берлинский высший свет, она — из немногих аристократок, поддержи-

---

¹ Гогенцоллерны — династия бранденбургских курфюрстов, прусских королей, германских императоров (1871–1918).

вающих нацистскую партию. Кстати, именно эта Грозигк и спасла меня в тюрьме: не будь ее, я бы никогда не выпутался бы из этой истории.

Он замолчал, ожидая реакции Вилли, но тот молчал. Тогда Эрнст продолжил:

— И знаешь, когда она первый раз пришла ко мне в тюрьму, меня сразу же осенило: «Эта куколка прямо для Вилли!». Представь себе картину, сижу я в тюрьме, дело идет о моей жизни и смерти. И вот сейчас придет человек, о котором мне сказали: это твой последний шанс. Если и тут не выгорит, тогда тебе крышка. Стою я за решеткой в ожидании посетителя и вдруг вижу: это женщина. Теперь все зависит от меня, как я буду с ней говорить, какое смогу произвести на нее впечатление! Представляешь? Как только я ее увидел — аристократка, шикарная особа, хороша собой, черты лица тонкие, чуть резкие, волосы рыжеватые... Как только я ее увидел, особенно ее глаза, эти беспокойные, манящие глаза, мне тут же пришло в голову: «А ведь она клюнет на Вилли!». Клянусь тебе, господь бог ее прямо-таки создал для тебя.

Вилли сидел не шелохнувшись. Он думал, что Эрнст преподнесет ему какой-нибудь деловой проект, позволяющий подработать на стороне, а он, оказывается, всего-навсего предлагает этот вздор, мелет о какой-то аристократке.

С трудом сдерживаясь, Вилли вежливо ответил:

— Очень любезно, приятель, с твоей стороны, что даже в тюрьме ты вспомнил обо мне. И ты, конечно, предлагаешь мне этот план из самых лучших побуждений. Я, видишь ли, не понимаю — прости за откровенность, — как я могу подойти женщине, потомственной аристократке, с мыслью о том, как и сколько я смогу из нее выжать. Уж ты как хочешь!

Эрнст с улыбкой выслушал друга, потом спросил:

— Ты никогда не задумывался, насколько ты похож на своего отца? Он тоже любил разглагольствовать и так же высокопарно. И тем не менее покойный учитель женился на твоей матери только потому, что у нее было приличное

приданное, были деньги. Ладно, — вдруг решительно прервал он себя. — Хватит об этом.

Казалось, еще секунда — и Вилли сорвется, ответит ему сочным морским словом, но он сдержал себя и через секунду вполне миролюбиво предложил:

— Ну ладно, давай выкладывай.

Эрнст улыбнулся и приступил к подробному изложению плана. Сначала он описал Элизабет фон Грозигк, эту сверхэлегантную даму, ее светло-рыжие волосы, живые подвижные черты лица и откровенный взгляд. Она очень деятельна. Сейчас у нее новое увлечение — оказывать содействие партии. Описав ее дом, где запросто бывают многие нацистские бонзы, и не только они, но и другие влиятельные люди, Эрнст замолчал.

— А почему ты думаешь, что твоя Грозигк, или как там ее, не только пообещает, но и действительно что-то сделает? — прервал затянувшуюся паузу Вилли.

— Да она непременно попадетя в твои сети, голову даю на отсечение, — воскликнул Эрнст. — Уж это я в женщине сразу чувствую, не мальчик, опыт имею. Я напел ей про тебя, про твои морские скитания, посещение экзотических стран... Тебе ничего особенно не надо делать. Ты больше многозначительно молчи.

— Ты окажешь мне большое одолжение, — с ледяной вежливостью прервал его Вилли, — если прекратишь свои дурацкие шутки. Скажи мне ясно и понятно, что мне нужно делать с твоей Грозигк.

Эрнст с мечтательным видом вынул новую рубашку из стоявшей на столе коробки, погладил рукой шелковую ткань и положил обратно.

— Небольшую сенсацию придется, конечно, придумать. Как ты смотришь на идею создания тайного детективного бюро в интересах партии. Это для начала, а там посмотрим...

— Я не могу на это пойти, — после некоторого раздумья заметил Вилли. — Если все вскроется, у меня будут неприятности по службе.

Эрнст понимал колебания друга и поэтому воздерживался от иронических замечаний.

— Я не хочу уговаривать тебя делать то, что тебе не по нутру, — сказал он. — Но ты пойми, второй такой случай, как эта Грозигк, едва ли представится. Да и на деле ведь никакого бюро не будет.

Вилли не зря раздумывал. Для его отца, скромного учителя, знакомство с именитыми людьми вроде бургомистра или богатого хлеботорговца было пределом желаний. Сам Леман в период войны и Веймарской республики испытывал удовольствие, когда по своим полицейским вопросам имел дело с человеком, которого можно было назвать «барон» или «ваше сиятельство». Конечно, он сознавал, что титулы — одна видимость, главное деньги. Все же это была приятная видимость.

Из задумчивости его вывел вкрадчивый голос Эрнста:

— Видишь ли, мой друг, толпе ничего не втолкуешь без рекламы, без обмана. Люди противятся всему, что отклоняется от обычной нормы. Даже фюрер — и тот не пробился бы без пышных слов, без того, что ты сейчас назвал обманом. Прочти внимательно, что он говорил в своей книге о необходимости пропаганды, лжи, обмана. Сколько клятвопреступлений он взял на себя, как унижался! Превозмоги и ты себя, Вилли!

Леману было приятно слушать эти речи. Эрнст верил в то, что говорил, и не притворялся. А разве он не прав? Да, нужно себя пересилить, совратить эту аристократку, переспать с ней и сделать это так, как могут делать это опытные моряки, чтобы взамен она была готова на все, что от нее потребуется.

— А какая выгода тебе, приятель, если я займусь этой баронессой? — спросил Вилли и пристально посмотрел другу в глаза. Эрнст выдержал его взгляд.

— Ты совершенно прав, — спокойно сказал он. — Я делаю тебе это предложение не только из-за нашей дружбы. Я сильно надеюсь, что если мы это дело провернем, то и мне кое-что перепадет. И я убежден, — продолжил он с